

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Филатов Вадим Валентинович

*К.ф.н., доцент, Западный филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
Калининград
vadim.filatov@yandex.ru*

CIVILIZATIONAL APPROACH TO THE PROBLEM OF CULTURAL SELF-IDENTIFICATION OF THE POPULATION OF THE KALININGRAD REGION

V. Filatov

Summary: The article deals with the cultural specifics of the Kaliningrad region from the standpoint of the civilizational approach. In particular, the article explores the causes of the problems of the local population in the subject field of cultural self-identification.

Keywords: civilization, cultural self-identification, regional style.

Аннотация: В статье с позиций цивилизационного подхода рассматривается культурная специфика Калининградской области. В частности, исследуются причины проблем местного населения в области культурной самоидентификации.

Ключевые слова: цивилизация, культурная самоидентификация, региональный стиль.

Цивилизационный подход в изучении культурного пространства, отражающий стремление акцентировать основное внимание на различных аспектах автономии культуры (вопреки всем версиям структурно-функциональной теории), не уступает в данном отношении культурному детерминизму. Цивилизационные образования основаны на сочетании культурных представлений о мире с регулирующими рамками социальной жизни, но взаимосвязь между этими двумя уровнями открыта для противоречивых интерпретаций и их стратегического использования.

Известно, что цивилизационный подход применим прежде всего к государствам, в то время как Калининградская область государством не является. Однако, в силу специфики географического положения (т.к. она является эксклавом России внутри государств Евросоюза), здесь сложилась необычная для российских областей ситуация, для рассмотрения которой можно всё-таки попытаться, в нарушение принятых методик, применить цивилизационный подход, согласно которому развитие происходит не линейно, а многовекторно (теория культурного релятивизма). При этом в качестве центрального критерия выявления цивилизационной специфики выступают особенности культуры: мировоззрение, история, религия, природа, обычаи – иными словами всё, что составляет культурное пространство. А культурное пространство, в свою очередь представляет собой «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ,

целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т.д.» [3, с.43] Если говорить о Калининградской области, то все перечисленные составляющие культурного пространства имеют в контексте всё того же географического положения определенные особенности. Например, близость к странам Евросоюза, и (вплоть до последнего времени) облегченные возможности их посещения, а также наличие интенсивных программ культурного обмена – всё это вызывает серьезный интерес у населения области, особенно у молодёжи. При этом многие молодые люди вообще ни разу не были в так называемой «Большой России», но имели возможность в любое время съездить в Литву или в Польшу, воочию сравнив качество жизни здесь и там. В этой связи представляется уместным упомянуть, что, согласно Сэмюэлю Хантингтону, по мере усиления контактов между локальными цивилизациями будет нарастать культурная конкуренция и вытекающие из неё конфликты.

В данном контексте приметы внутреннего конфликта просматриваются в Калининградской области в форме противостояния в местном культурном пространстве так называемых «германизаторов» и, так сказать, «русских патриотов». Второе обозначение достаточно условно, потому что данная часть калининградской общественности консолидируется преимущественно на основе насчитывающего несколько десятилетий истории советского прошлого. В частности, вокруг весьма сомнительной исторической личности М.И. Калинина, который во-многом дискредитирует

соответствующую систему ценностей, но заменить эту фигуру, похоже, нечем. С так называемыми «германизаторами» ситуация сложнее, поскольку, несмотря на то, что вплоть до 70-х годов прошлого столетия (а местами и сегодня) Калининградская область была похожа на местность, где война закончилась только вчера, туристическая привлекательность, и, как результат, финансовые поступления в областной бюджет – всё это, хотим мы этого или нет, во-многом связано с интересом к сохранившимся здесь, хотя бы в виде развалин средневековых замков, германскому наследию. Как результат, у части населения Калининградской области, которое к тому же ежегодно подпитывается многочисленными, представляющими различные этносы и религиозные конфессии мигрантами, можно наблюдать приметы кризиса самоидентификации. Это проявляется, например, в болезненной реакции на различные, как правило, молодёжные варианты неофициального наименования Калининграда. В областях России, где также в 90-е годы возникали идеи культурной автономии, скажем, в Свердловской области местные жители относятся к неофициальному имени города Екатеринбурга с соответствующим юмором. Это свидетельствует о том, что с культурной самоидентификацией на Урале дела обстоят нормально.

Одним из авторов теории локальных цивилизаций, заметно расширившим критерии классификации различных исторических типов государственности, был русский социолог и панславист Н.Я. Данилевский, который в своем сочинении «Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), отличающихся самостоятельностью и своеобразием религиозного, общественного, бытового и иного развития. [2] Данилевский выделил следующие, наиболее, на его взгляд, аутентичные критерии определения специфики культурно-исторической общности: религию, в широком смысле – культуру, включающую науку, искусство, промышленность, а также политическую и социально-экономическую деятельность. При этом характерно, что на первом плане у него стоит религия. Данилевский также был глубоко убеждён в том, что Европа не только нечто совершенно чуждое России, но даже враждебное, что её интересы не только не могут быть созвучны российским интересам, но в большинстве случаев прямо им противоположны. В качестве подтверждения данной точки зрения он приводил пример Крымской войны, когда ряд европейских государств объединился и вступил в военные действия на стороне мусульманской Османской империи против христианской, то есть, казалось бы, в религиозном отношении намного более близкой к Европе России. Согласно Данилевскому, Османская империя, с точки зрения его теории культурно-исторических типов, оказалась намного ближе Европе, чем Россия. Отдельно можно упомянуть

критику Данилевским дарвинизма, который он прямо выводил из особенностей английской ментальности:

«Теория Дарвина есть учение чисто английское, включающее в себя не только все особенности направления английского ума, но и все свойства английского духа. Практическая польза и состязательная борьба, вот две черты не только, в значительной мере, дающие направление английской жизни, но и английской науке. На полезности, утилитарности основана Бентамова этика, да в сущности и Спенсера также; на войне всех против всех, настоящей борьбе за существование – Гоббсова теория политики; на состязании или соперничестве – экономическая теория Адама Смита, да и вся по преимуществу английская наука политической экономии» [1, с. 486].

Другой автор теории локальных цивилизаций Арнольд Тойнби определил цивилизацию как замкнутое общество, характеризующееся при помощи двух основных критериев: религии и форме её организации; а также территории и степени удалённости от того места, где данное общество первоначально возникло. [2, с.83] Что касается первого критерия, то значение православной религии в жизни российского общества, и особенно общественный интерес к участию в различных формах её социальной институционализации в последнее время заметно уменьшается. Согласно последнему опросу ВЦИОМ (15.03.2021) формально о своей принадлежности к православию заявили 66% респондентов, преимущественно в возрастных группах 35-59 лет и старше 60 лет. При этом по сравнению с аналогичными данными 2017 г. общий процент заметно сократился. Кроме того, в 2021 году планировали соблюдать пост лишь 17 % православных. [5] Одновременно соответствующие данные Левада-центра показывают, что среди православных в жизнь после смерти верит всего 33%, сомневаются – 46%, абсолютно не верят 20%. В целом, если от 100% православных в бессмертие души, царствие небесное и религиозные чудеса верят от 31% до 33%, то, следовательно, в России православных не 63%, а фактически только 20%. При этом число неверующих в целом по России за последние четыре года увеличилось почти в четыре раза. [6]

В чём состоят причины преобладания в числе православных верующих представителей старших и средних возрастных групп (а в гендерном отношении – женщин, в чем можно легко убедиться, зайдя в Калининградской области, равно как и в остальных областях России, в любой христианский храм)? На наш взгляд, значительный рост интереса к религии и церкви в 90-е годы был связан со снятием существовавших по отношению к религии в СССР атеистических запретов и полузапретов, и катастрофическим падением уровня жизни населения. В ну-

левые годы социально-экономическая ситуация начала постепенно выравниваться, а православие приняло на себя функции государственной идеологии, во-многом заполнившей идейный вакуум, возникший после того, как марксизм утратил свою роль «единственно верного учения». Однако сложившаяся на сегодняшний день ситуация, когда церковь выступает как идеологическое дополнение к системе управления государством и никогда и ни в чем ни разу не заявила своей самостоятельной, отличной от государственной позиции, закономерно привела к определенной девальвации вначале церковных, а затем и религиозных ценностей. Ведь полное слияние государства и церкви оставляет за последней лишь функцию ритуальной психотерапии, что не может удовлетворить неформальную часть православных и одновременно раздражает ту часть населения, которая придерживается научной картины мира. Ещё одна причина – улучшение материальной базы образования, и, как следствие, охват его различными формами значительной части молодёжи. Нужно учитывать, что наука, в отличие от религии, даёт вполне конкретные и обоснованные ответы на многие, в том числе и мировоззренческие вопросы, и делает повседневную жизнь ощутимо комфортнее. Разумеется, населению, и прежде всего молодежи, это не может не импонировать.

Таким образом мы видим, что, если принять за основу определение цивилизации, предложенное Тойнби, то первая часть указанного определения (религия) представляется, в значительной степени, утратившей свою актуальность – в отличие от территориального фактора, который активно работает.

В этой связи можно ещё упомянуть вмещающий ландшафт, который в древних цивилизациях выполнял роль воспроизводства определенных культурных традиций. Когда большинство населения проживало в сельской местности, именно окружающая природа (помимо всего прочего) влияла у каждого следующего поколения на формирование и развитие особенностей характера, свойственных данной ментальности. Сегодня, когда население в основном сконцентрировалось в мегаполисах, а также в средних по численности жителей городах, одним из которых является Калининград, изменился и вмещающий ландшафт. Он принимает ярко выраженные урбанистические черты и в значительной степени выражает здесь не славянскую, и даже не советскую, а германскую ментальность. Это касается архитектуры многих жилых домов, а также храмов, иных зданий и культурных объектов. В принципе большинство православных храмов Калининградской области как раз и демонстрирует амбивалентность местного культурного пространства, ибо они выступают как бывшие лютеранские (реже католические) храмы, выполненные в стиле готической архитектуры по форме и православные по

внутреннему содержанию. Думается, что данный феномен в целом характерен для всей Калининградской области, а также для культурной самоидентификации значительной части её населения. Скажем, жители Черняховска (бывшего Инстербурга) являются обитателями одного из наиболее сохранившегося в период Великой Отечественной войны небольшого немецкого городка, в котором, в отличие от Калининграда, удачно остались неразрушенными центральные улицы. Но вот ментальность населения Черняховска в первом приближении ничем не отличается от особенностей характера жителей какого-нибудь маленького районного центра или даже села из саратовской глубинки. Ощущают ли они этот разрыв? Многие да, поскольку там живет достаточно людей, озабоченных сохранением уникального местного культурного пространства. Или, если угодно, вмещающего ландшафта.

Если говорить о замкнутом (закрытом) обществе, то в период широкого распространения интернета и других средств коммуникации данное понятие утратило, на первый взгляд, свой первоначальный смысл. Тем не менее, для многих, включая молодёжь, очевидно, что повседневное дистанционное общение (и, тем более, образование) способно выступать лишь в качестве примитивного суррогата (имитации) непосредственных живых контактов. А в современной ситуации непрекращающейся пандемии с её периодическими ограничениями, переводом целого ряда социально – значимых сфер жизни в дистанционный режим, а также запретом допуска к ним значительной части населения, включая полный или частичный запрет на выезд за пределы области, положение Тойнби о замкнутом обществе становится как никогда более актуальным. Что касается степени удалённости Калининградской области от того места, где данная цивилизация (согласно Тойнби – православно-христианская) изначально сформировалась, то существование обозначенного фактора налицо. Как выяснилось, второй закон термодинамики, предсказывая неизбежность тепловой смерти Вселенной и конечного торжества хаоса, превращает пессимизм из плохого настроения в научно обоснованную доктрину. А в сложившихся условиях, когда кризис культурной самоидентификации населения Калининградской области подкрепляется его искусственным разделением, а также общей неуверенностью в ближайших перспективах, проявляются зримые симптомы расстройства процесса передачи культурной традиции, рассуждая о которой в данном контексте, можно слегка перефразировать известный философский вопрос Мартина Хайдеггера: непонятно, почему всё ещё есть нечто, а не ничто?

Тем не менее, можно с некой долей оптимизма утверждать, что, несмотря на определенную амбивалент-

ность и проблемы с самоидентификацией населения исторически сложившегося калининградского культурного пространства, здесь сформировался достаточно уникальный (для России, да и не только) региональный стиль. Эта категория имеет в исторической этнологии ярко выраженные региональные черты. При этом имеются в виду не только архитектурные стили, о которых говорилось выше, но и образ жизни, взятый в целом. Региональный стиль содержит саморазвивающиеся

черты, которые часто проявляют себя в оппозиции к присутствующим здесь культурным тенденциям и влияниям: как к восточному, так и к западному. Отмеченная оппозиционность входит в жизнь Калининградской области эмоционально-образным путем. В итоге, именно региональный стиль представляет собой внешнюю, выразительную форму, придающую данному культурному пространству целостность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015. — 976 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. — 550 с.
3. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура / Аналитика культурологии. — 2010 № 18, с. 42-53.
4. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Сборник. / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова, М., Рольф, 2001. — 640 с., ISBN 5-7836-0413-5, т. I. Введение. Сравнительное исследование цивилизаций, Предварительная классификация обществ данного вида, с. 82-85.
5. Сайт ВЦИОМ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021>
6. Сайт Левада-центра <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/>

© Филатов Вадим Валентинович (vadim.filatov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы